

КОЛОДОВСКАЯ
РУКЪ

Елизавета
Дворецкая

СЛЕД
ЧЕРНОГО
ВОЛКА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Разработка серийного оформления
Алексея Дурасова

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Алексея Дурасова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 След черного волка / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Колдовская Русь).
ISBN 978-5-699-93795-0

Дохристианская Русь...

Зловредный дух завладел князем Вершиной. Чтобы изгнать духа, княжий сын Лютомер должен воспользоваться силою волшебного кольца Темнозора. У сестры Лютомера, колдуньи Лютавы, тоже не все ладно. Ее дух-покровитель, волк Нави Радомир, желает вновь родиться в мире живых, и для этого Лютава должна выйти замуж за того, на кого он укажет. Княжких детей вновь ждут опасные приключения...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93795-0

© Дворецкая Е., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Верховья Десны, Бранемеров век

На следующий день после солоновороты Добровед пришел в подземное обиталище богини Лады поздно. Народ едва утомился и наконец разошелся спать после шумного разгула, на дворе уже рассвело, но здесь, в избе, опущенной в землю на три локтя, было совсем темно. Волхва еще пошатывало после утомительной ночи, обрядов, игрищ и пира, поспать удалось совсем немного, голова болела от медовухи. По лестнице он спускался, придерживаясь за стену и осторожно нашаривая ногой каждую ступеньку. Но в эту избу он приходил каждое зимнее утро уже лет двадцать и в освещении не нуждался. На ощупь пробравшись к печке, Добровед свалил охапку поленьев, принесенную за спиной, нашел в золе тлеющие угольки, запалил две лучины, вставил в светец. Оглянулся.

Угрянская княжна Лютава, в эту зиму разделявшая заточение богини Лады, спала на своей лежанке. Обычно она просыпалась при появлении волхва, но сегодня даже не пошевелилась.

Волхв подошел поближе. Даже с похмелья он чувствовал: с девушкой что-то не так. Священная пленница лежала на спине, вытянув одну руку вдоль тела, а вторую положив на грудь. И на этой руке что-то мерцало, будто уголек. Поначалу Добровед испугался,

что и правда уголь вылетел из печи, и поспешно наклонился.

Это оказалось кольцо — по виду бронзовое, отлитое таким образом, что выглядело сплетенным из тонких корней. И оно испускало мягкий дымчатый свет, будто солнце, глубоко запрятанное в зимнюю тучу. Ничего подобного Добровед раньше не видел и замер в растерянности. И чем дольше он смотрел на девушку, тем более призрачной ему казалась она сама, как будто перед ним лежало лишь отражение в воде, а не человек.

Пересилив себя, Добровед осторожно прикоснулся к ее руке. Точнее, пытался прикоснуться. Его пальцы насквозь прошли через тело спящей, не встречая сопротивления, и уткнулись в медвежью шкуру, которой была покрыта лежанка. Потрясенный волхв отдернул руку, будто обжегся. Огляделся, пощупал самого себя, пощупал лавку — все было как обычно. И только она, Лютава-Лада, стала чем-то иным: блазнем, призраком.

Ничего подобного Добровед не видел за все двадцать лет и даже не слышал ни о чем подобном. От отца — тоже волхва и младшего брата прежнего дешнянского князя Божемога — он знал, что иной раз девушки, помещенные в Велесово подземелье, обнаруживались мертвыми: призванные богами, не могли выбраться духом обратно в белый свет. Это случалось очень редко, даже дед Доброведа видел такое лишь один раз, а уж он повидал десятки этих девушек. Но никто из волхвов Ладиной горы не сталкивался с таким, чтобы девушка-Лада была и здесь, и где-то совсем в другом месте одновременно. Ушла в Навь, оставив в Яви лишь свой облик. И это мерцающее, будто солнце полуночи, кольцо, которого Добровед еще вчера у нее не видел... Солоноворот-Корочун!

Этой священной ночью княжна Лютава пережила нечто такое, о чем не знают даже волхвы. Или не пережила...

По привычке тщательно растопив печь, Добровед еще раз оглянулся на лежащую и тихонько вышел. Его брату Яроведу, старшему из дешнянских волхвов, нужно было это увидеть. А всем остальным, пожалуй, пока незачем знать...

*Средняя Угра, Вершиславов век,
месяц просинец*

Спускалась зимняя ночь, все затихло в Ратиславле, и только в избе хвалиски Замили, младшей жены князя Вершины, за плотно задвинутыми заволоками не гасили лучин. Спать хозяйка не собиралась: сидела на увязанной укладке, рядом лежала ее лисья шуба и большой платок из белой шерсти. Прежде богато убранная, сейчас изба выглядела почти голой: хорошая посуда, шелковые занавеси и покрывала, литые светильники исчезли с глаз. Зато посреди пола громоздились три укладки и пяток мешков. Дочь Замили, Амира, — невысокая смуглая девушка, широколицая и не слишком красивая, — устроилась возле двери, прислушиваясь к звукам снаружи и тоже держа кожух наготове. Челядь младшей князевой жены — баба Новица и отрок Найден — сидели по лавкам, оба с таким видом, будто собрались в дорогу.

Вот Замиля встала, огляделась, подошла к простой холщовой занавеске, сменившей прежнюю, из хвалисского шелка с цветами и птицами, и отодвинула край. Князь Вершина спал на лежанке, которую Замиля делила с ним предыдущие двадцать лет. Лица его она почти не видела в густой полутьме, но слы-

шала, как он быстро беспокойно дышит, как ворочается, постанывает. Видеть его она и не хотела: теперь у него почти постоянно было очень странное выражение лица. Совершенно нечеловеческое: тупое, бессмысленное и в то же время как-то по-нехорошему целеустремленное. Та тварь, которая поселилась в его душе, знала свое дело и потихоньку поедала новую жертву изнутри.

Замиля плохо представляла себе эту тварь, но решительно не желала узнать поближе. Раньше она целиком полагалась на Галицу, которая обещала, что подчинит Вершину воле жены. Но бывшая челядинка давно не подавала о себе вестей, и Замиля день ото дня тревожилась все больше. Муж, которого чародейка обещала сделать послушным, почти перестал узнавать Замилю — как и прочих родичей. С тех пор как прямо за обильным столом Корочуна с ним приключился припадок, он так и не пришел в себя. Князь был довольно крепок телом, но разум, казалось, покинул его. Вершина ни на что не жаловался и вообще едва говорил: просил есть, да и только. Зато просил очень часто и ел много. При виде еды его глаза, обычно равнодушные, радостно вспыхивали, и он набрасывался на хлеб и мясо с такой жадностью, будто месяц голодал. Сметал все подряд — что ни дай. Родичи боялись к нему подходить, не шутя опасаясь, что он и их тоже однажды сожрет.

От соседей недуг Вершины скрывали, но ясно было, что так продолжаться не может. Старшие родичи что ни день собирались в избе Богорада, толковали на все лады. Можно ли исцелить князя? Кому его заменить — на срок или навсегда? Пора в гощенье идти — кому? В прежние годы Вершина иной раз сам ходил в гощенье, иной раз посылал Лютомера, как

старшего сына и наследника. В этом качестве его знали все старейшины в подчиненных Угре волостях. Но где он теперь, Лютомер? Придумали послать людей за ним на Десну, но скоро ждать его назад не приходилось.

Бабы тоже собирались каждый вечер в беседе, но не столько пряли, сколько совещались все о том же. Замиля не ходила туда: в последние полгода отчуждение между ней и прочими Ратиславичами заметно выросло. Она давно сбежала бы, чтобы не ночевать в одной избе с помешанным, но никто не изъявлял готовности ее приютить. Благо было уже то, что ей вообще позволили оставаться в живых. Наутро после Корочуна Богорад и Толига едва вырвали ее из рук разъяренных баб: те вопили, что хвалиска сглазила князя. Но подкрепить обвинение было нечем: никто не видел, чтобы Замиля творила ворожбу, у Вершины не нашли никаких наузов или корешков, которые могли быть наговорены на зло. Больше ее не трогали. За это Замиле следовало бы благодарить Темяну, но, приказав бабам оставить хвалиску в покое, Вершинина старая мать руководствовалась вовсе не добротой. «Не от Замильки порча пришла, — сказала Темяна на собрании старейшин. — Убить ее — горю не поможет. Сама она со своей заморочкой эту кашу заварила — пусть сама и сидит с ним. Если опять начнет... — она тяжело вздохнула, — на людей кидаться... вот и узнаем. Не своих же к нему посылать!»

Закончились Велесовы дни, потянулся месяц просинец. Замиля и ее дочь постоянно дрожали за свою жизнь. Князь, который двадцать лет любил Замилю и оберегал от неприяни родичей, больше не мог ее защитить и сам внушал ужас, будто дикий зверь. От Хвалиса не было вестей уже полгода, и Замиля, ли-

шившись мужа и сына, чувствовала, что жизнь ее не крепче яичка лесной птицы.

Вот Амира вскочила и замахала матери рукой: кто-то идет. Замиля метнулась к двери, остановилась на полпути. Двое челядинов тоже встали.

В дверь легонько постучали. Амира выскочила наружу: заранее смазанная дверь не скрипнула. Почти сразу же девушка вернулась и подала знак: пора.

Тихая изба пришла в движение: хозяйка схватила шубу и платок, челядины — укладки и мешки. Вдвоем поволокли наружу. Замиля торопливо одевалась. Когда вся поклажа была вынесена, она тоже вышла к саням. Невысокая ростом и дородная телом, в теплой одежде и пышной шубе, крытой синей шерстью, она напоминала нарядно одетый стог. Под белой тканью платка резко выделялись густые черные брови и лихорадочно блестели большие темные глаза.

Возле саней стояли Толига и все трое его сыновей. Он один знал, куда увез летом Хвалиса, и теперь собирался переправить туда и его мать.

— Эти бабы разорвут и меня, и мою дочь! — твердила ему Замиля, понимая, что он единственный из Ратиславичей немного ее жалеет. — Они считают, что это я виновата! А я не умею творить заклятий! Если бы умела, я... Как мне быть? Мой муж болен, мой сын далеко! Я погибла, погибла!

Но не только разгневанных ратиславльских баб она боялась. Ночью она едва решалась сомкнуть глаза. С тех пор как Вершина захворал, Замиля не спала с ним, а перебралась на лавку, но во сне и наяву ей мерещилось, как муж встает и с тем же пустым взором бредет к ней через темную избу, чтобы вцепиться зубами в горло... Она отгоняла мысли о том, что и правда виновата в его нынешнем состоянии. Раз-

ве она хотела этого ужаса? Она хотела всего лишь счастья своему сыну, который имеет точно такое же право на наследство отца, как эти... оборотни, дети Велезоры. Откуда ей знать, чего там накудесила эта подлюка Галица! Накудесила, а сама сбежала, змеища, и горя ей мало!

Целыми днями Замиля ломала не привыкшую думать голову: как обезопасить себя? И не могла придумать другого способа, кроме как убраться подальше от Вершины, отыскать Хвалиса и возложить на него обязанность заботиться о матери. Ведь все это было затеяно ради него!

Когда все вышли из Замилиной избы, Толига, горестно вздохнув, взял из поленницы полено покрупнее и прочно подпер дверь. Вершина оставался там один, и, пусть из Замили сторож не слишком надежный, все же страшно было оставить больного до утра совсем без присмотра. Завтра, когда бегство обнаружится, Богоня приищет ему новых нянек, а пока у Толиги будет спокойнее на сердце, если хворый князь не сможет выбраться. Жилье и так было все увешано пучками сухой полыни и дедовника, окружено полосой наговоренного Темяной угля, черневшего на снегу и подновляемого после каждого снегопада.

«До чего докатились! — мысленно восклицал Толига. — От собственного князя убегаемся, будто от упыря лихого!»

И невольно вспомнил Лютомера. Если кто и сумеет вернуть князя Вершину в разум, то разве что его старший сын-оборотень...

Все было обговорено заранее, а к тому же Замиля обмирала от ужаса, что кто-то заметит ее бегство, поднимет переполох и все рухнет: ее водворят назад

в избу с мужем-упырем и запрут там до самой смерти. Поэтому, трепеща как лист, она удержалась и не произнесла ни единого слова. Толига махнул рукой, его сыновья взяли под уздцы запряженных в сани лошадей, и маленький обоз тронулся прочь из городка. Скрипел снег под полозьями, позвякивала упряжь. И больше ничего — ни прощальных криков, ни пожеланий удачной дороги...

Отойдя шагов на двадцать, Замиля обернулась. Располневшая с возрастом, истомленная волнением, она уже устала и с нетерпением ждала, когда можно будет сесть в сани.

Окруженная защитными чарами, изба, в которой она прожила двадцать лет и родила пятерых детей, выглядела жутко — будто островок Нави среди мира живых. Даже тишина ее казалась угрожающей: будто некое зло приглядывается, выбирая удобный миг для нападения.

И Замиля внезапно поймала себя на желании увидеть, как пламя вдруг взорвется над кровлей избы и мигом охватит ее всю, уничтожая ту жуть, что затаилась внутри...

Низовье Рессы, месяц просинец

Под толстым слоем снега было непонятно, где кончается лед Рессы и начинается пологий берег, но Милята уверял, что костер разложил уже на берегу, и ему поверили. Дружине Лютомера требовался привал.

Худота и Извек волокли из леса старое бревно, поваленное бурей, и ругались, что им никто не помогает. Холод был не сильный, как обычно в пасмурные дни, но от долгого пребывания под открытым небом все порядком продрогли. А лес с обеих сторон сте-

ной стоял над узкой рекой, глухой и заснеженный, похожий на неприступную стену — границу иного, нечеловеческого мира. Кое-где виднелись крестики и галочки птичьих следов или заячьих петли, но никаких признаков близости жилья. Эти места были малонаселены, и только Лютомер, с его чутьем оборотня, еще мог как-то найти теплый ночлег.

Лютава сидела возле огня на краю саней и с наслаждением грела озябшие руки. Уже десятый или одиннадцатый день — она, кажется, все-таки сбилась со счета — Лютомер со своей дружиной и сестрой ехали обратно домой, в Ратиславль на средней Угре, из Витимерова на верхней Десне. Их родичи думали, что Лютава уже стала женой дешнянского князя Бранемера, сам Бранемер думал, что его угрянская невеста коротает зиму в священном заточении под Ладиной горой, а на самом деле она покинула подземелье в ночь Корочуна, среди буйства ряженных. Теперь у нее имелось средство вернуть здоровье отцу, избавив его от духа-подсадки.

Во время бегства с Ладиной горы Лютаве было некогда раздумывать, но на первом же ночлеге она засомневалась.

— Зачем нам сейчас ехать в Ратиславль? — представляла она к брату, усталая и замерзшая после целодневной езды по снегу и понимающая, что впереди еще не один десяток таких переходов. — Может, попытаемся до подсадки добраться... через Навь? Какая разница, где мы находимся, если воевать нам надо не с телом, а с духом?

Превратности ночи Корочуна не смутили Лютаву, а, наоборот, наполнили ратным духом: она чувствовала, что многому научилась, и теперь жаждала опробовать свои вновь приобретенные возможности.

— Мы можем одолеть подсадку через Навь, — кивнул Лютомер. — Но этого мало. Даже если у нас все получится, отец будет слишком слаб. А рядом с ним — Замиля. Она уговорит его послать за Хвалисом, и он согласится, потому что откуда ему знать, кто наслал на него дух-подсадку, а кто избавил?

— Ты думаешь, Хвалис придет жать нашу ниву?

— Прибежит! За полгода и отец поостыл, и родители подзабыли, как из-за Хвалиса чуть без хлеба на год не остались. Отец если вдруг возьмет и выздоровеет — на радостях простит сыночка беспутного. Ему тоскливо без родных чад, а мы с тобой невесть где. Вот и получится, что лес валили и жгли мы с тобой, а жать придет Хвалис.

— Отец сам нас отослал! Мог бы и за тобой послать.

— Ему не придется за мной посылать — я сам приеду. Если справимся — он поймет, что чужая злоба едва нас не погубила его руками. А если...

— Если — что?

— А если не справимся, — Лютомер вздохнул, — то мы в Ратиславле будем еще больше нужны.

Никто из них еще не имел опыта борьбы с подсадным духом. Лютомер верил, что справится с ним, но не мог уверенно сказать, переживет ли князь Вершина эту борьбу.

Лютава больше не возражала. Избавление отца было лишь одной заботой из многих. Лютомер не собирался уступать свое наследство сыну хвалиски, бывшей рабыни, а эти права ему нужно было отстаивать в Яви — среди родичей, перед лицом всего угрянского племени.

Уже шел Велесов месяц просинец, а подземный хозяин, хоть и приходился священным отцом Люто-

меру, не баловал легкой дорогой. Почти все время валил снег, несколько раз им приходилось сутки и более переждать где-нибудь в веси, пока прекратится метель и можно будет продолжать путь. У бойников были одни сани с лошадьё, чтобы везти наиболее тяжелое из поклажи — котлы, припасы, топоры и прочее снаряжение, — но сами шли на лыжах, подбитых шкуркой с задних ног лося. Более длительную остановку собирались сделать в Чадославле, у боярина Благоты — хоть дня три пожить в тепле, помыться, подлатать одежду и обувь.

Уже осталось позади устье Свотицы, перед ними лежала заснеженная Ресса. Еще переход — и следующую ночь бойники намеревались провести в Чадославле. Лютава уже предвкушала, как удивятся ей Благотины женщины, но и обрадуются, как Милема будет показывать ей своего подростшего первенца, как девки и молодухи будут наперебой расспрашивать про Бранемера... и бросать лукаво-завлекающие взгляды на ее брата.

И, наверное, у Благоты им наконец удастся поесть как следует. В селищах по пути хозяева неохотно продавали съестное — до нового урожая оставалось еще полгода, зерно и прочее берегли, опасаясь голодной весны. Еле-еле удавалось раздобыть сена для лошади — животным ведь не объяснишь, что надо потерпеть до дома! Поэтому лошадь жевала, а люди порой поглядывали на нее с завистью. Дозорные по ночам долбили лед и удили окуней, светя в лунку факелом для приманки. Иногда выпадала удача и к пробуждению остальных уже была горячая похлебка. Но бывало, рыба не шла, и тогда приходилось после рассвета посылать отроков в лес поискать птицы или еще какой дичи. Однажды повезло: отроки нашли место